

Два спектакля

Шиллер и Ибсен. Пламенный поэт «бури и натиска» и суровый северный мыслитель, вынесший на сцену свою скорбную думу о человеческом одиночестве. Можно ли в истории театра найти две более контрастные фигуры? Но Шиллер написал «мещинскую трагедию» (такое авторское обозначение «Коварство и любовь»), а Ибсен в своем «Кукольном доме» (Волковский театр напрасно переименовал это яркое авторское название пьесы на «Нору») написал драму о разрушении мещинской семьи. У Шиллера — дочь музыканта Миллера, умная, нежная сердцем и прямая душой Луиза становится жертвой, по словам самого Шиллера, «тупоумия и плутовства в высшем классе». С гневом и сарказмом рисуя двор одного из бесчисленных князей феодальной Германии, Шиллер противопоставляет этому порочному двору самодержавную любовь, нравственную высоту и силу Луизы, труженическую честь и гордость ее отца. У Ибсена — жена директора банка Гельмера, благородная и самоотверженная Нора, оставляет мужа и семью, поняв, что этого требует ее человеческое достоинство. Луиза кончает смертью, Нора уходит в новую жизнь.

Пьесы Шиллера и Ибсена идут рядом в репертуаре театра им. Волкова, и эти два светлых женских образа как бы переключаются друг с другом. Оба они своими страданиями и своим призывом к правде жизни как бы прорываются из темной дали прошлого к тому будущему, которое для советской женщины стало настоящим.

Зритель смотрит трагедию Шиллера и драму Ибсена с большим волнением, с явным сочувствием «страдающей и гибнущей» Луизы, к покидающей «Кукольный дом» Нору.

Заслуга режиссеров этих двух спектаклей («Коварство и любовь» ставил Л. Л. Полонский, «Нору» — А. А. Ларин) состоит в том, что они, особенно Полонский, сумели противопоставить два мира: тот, который отживает, и тот, которому принадлежит будущее.

Шиллер в своей пьесе призывает бурю на тот мир придворной пустоты, вельможной подлости и надменного насилия, который олицетворял им в президенте, фон-Кальба и Вурма. Эти лица так освещены режиссером, что создается уверенность, что грозная туча уже собирается над дворцами, исполненными смрада.

Образы президента (С. М. Комиссаров) и Миллера (Ю. В. Белгородский) контрастны. Первый — надменный трус, не умеющий под покровом гордости скрыть рабский страх перед герцогом; второй горд своею независимостью упорного труженика и честного человека.

Их дети — Фердинанд (Д. Я. Бельский) и Луиза (А. В. Магницкая) связаны горячим чувством любви, которой не суждено быть счастливой. Но в любви сына президента и дочери музыканта есть большое различие. Любовь Луизы проста и самоотвержена, — и именно эту особенность Луизы, ее способность, любя горячо, оставаться верной своему долгу и нравственному достоинству человека, удачно отобразила А. В. Магницкая. Наоборот, Фердинанд «любит горестно и трудно». В его любви нет самоотверженности. Пылкость его чувств делает его много-

да слепым на чужое горе. Д. Я. Бельский не отделил этой стороны характера Фердинанда, связанной с его происхождения. Его Фердинанд не всегда избегает риторического пафоса.

Лучшая фигура в спектакле — леди Милфорд в исполнении А. Д. Чудиновой. Артистка, следуя за Шиллером, увела ее из ампула «кокетт» и насытила образ подлинным драматизмом. Из близости к героине эта англичанка выносит подлинное отращивание, а встреча с Фердинандом и Луизой восстанавливает в ней задремавшую было тоску по человеческому достоинству. Леди Милфорд спасает в себе человека, обращаясь в стремительное бегство от двора и придворных.

Другое бегство, еще более стремительное, еще более драматическое происходит изображать А. Д. Чудиновой в «Кукольном доме» — бегство Норы, ее перерождение из куколки в человека. Роль Норы принадлежит к числу труднейших в репертуаре драматических артистов. Если исполнительнице удалась роль — значит удалась вся пьеса.

Самое трудное в этой роли — третий акт, когда вместо Норы-куколки, вместо Норы-жаворонка, беззаботно распевавшего свою звонкую песенку, перед нами предстает человек с пробуждающейся мыслью, с вновь нарождающимися чувствами, обретенной волей к полноценному человеческому бытию.

Это перерождение Норы прекрасно удалось А. Д. Чудиновой. Нора осталась той же, какою мы знали ее в первых двух актах, с ее светлой душой, с ее чистым сердцем, со всем объяснением ее женственности, — но эта душа обновилась страданиями, но это сердце возмужало от горя, но это объяснение стало объяснением человека, у которого широко раскрылись глаза на жизнь и который сам впервые обрел себя в этой новой вере в свое человеческое достоинство.

Прекрасно показывает Чудинова «домашнюю» Нору: играет с детьми, украшает елку. С подлинным драматизмом танцует она в конце второго акта знаменитую Тарантеллу, превращая ее в трагический монолог без слов. Но самое замечательное у артистки — это последнее объяснение с мужем и уход Норы. Тут все правдиво и все волнующе. Провожая Нору за дверь «Кукольного дома», мы знаем: она никогда в него не вернется.

Все другие роли в «Кукольном доме» — лишь алкопланяруют главной роли. Этот алкопанменит стоит в театре на должной высоте. С. М. Комиссаров без всякого сатирического нажима играет мужа Норы, адвоката Гельмера. Со всем простотой сдержанным драматизмом передает заслуженный артист УССР Г. С. Свободин доктора Ранка. Нельзя не отметить его замечательный уход в последнем акте: без всякой внешней драматизации артист заставил испытать жуткую уверенность: этот человек сам подлисал себе смертный приговор и через несколько минут приведет его в исполнение.

Кончу тем, с чего начал. Шиллер и Ибсен — драматурги контрастные по своим творческим приемам, по своему сценическому стилю, а между тем их пьесы нашли одинаково удачное разрешение на сцене театра им. Ф. Г. Волкова.

Проф. С. ДУРЫЛИН.